

Когда вспоминаешь Игоря Масленникова, режиссера множества фильмов, отца «Зимней вишни» и «Шерлока Холмса», президента самой солидной на «Ленфильме» студии «Троицкий мост», перед внутренним взором почему-то возникают хитрые прищуренные глаза, седые усы и полное отсутствие снобизма, хотя последнюю черту вряд ли можно отнести к портретной характеристике.

Масленников демократичен. Сам не курит, но держит в кабинете несколько пепельниц и разрешает курить всем. Любит виски. Любит водку. Любит женщин. Одно слово — красавец мужчина. Остальное — в тексте.

Масленников на съемках фильма «Продление рода», 1988 год

Мужское покаяние Игоря Масленникова

— Игорь Федорович, к своей первой картине вы подошли уже достаточно взрослым человеком. Как это произошло?

— Совершенно случайно. Знаете, обычно режиссеры говорят, что с детства мечтали о кино, об этом мире грез и так далее... Я никогда об этом не мечтал! Но благодаря общению с Товстоноговым я был заражен вирусом режиссуры. В те достопамятные времена, самый конец 50-х, чтобы работать режиссером, нужна была «ксива», и я готов был пойти на любые курсы, хоть цирковых режиссеров, чтобы получить ее. Но на «Ленфильме» открылась мастерская Козинцева, и конкурсы туда был человек двести на место...

— Вас должны были взять туда по должности, все-таки главред литдрамвещания...

— Как раз должность-то и раздражала Козинцева. К тому же у меня тогда уже и «Волга» была... И как-то раз Козинцев уже на курсах меня так ехидно спросил: «Игорь, зачем вы пошли в режиссуру, у вас ведь уже есть автомобиль?» Но он меня взял. Я показывал ему какие-то рисунки, эскизы, а на экзамене в это же у меня играли Юрский и Басилашвили. Так я опять попал в студенты, в тридцать четыре года. А поскольку после телевидения я был уже тертым калачом, то и первую полнометражную картину я снял очень скоро. И тоже случайно. Мы с Ильей Авербахом сделали короткометражки по сценарию его жены Натальи Рязанцевой, в которых играл один и тот же актер — Виктор Ильичев. Он был студентом у Товстоногова, а я их курс хорошо знал. И в результате у нас получились как бы две новеллы про одного парня Кузюева. А в то же самое время на «Ленфильме» случилась беда и художественный план был разбит. И для выполнения плана нужна была единица, а новую полнометражную картину за оставшиеся два месяца снять было невозможно. Меня тогда и осенило, что если Наташа допишет еще одну новеллу, то получится нормальный полнометражный фильм. Так оно и вышло. За два месяца мы успели его доснять, и студия выполнила план и получила прогрессивку. И я до сих пор этой картиной — «Личная жизнь Кузюева Валентина» горжусь, она была одной из последних картин эпохи советского неореализма. А после начались темные времена, и я это почувствовал сразу же, как только принял за следующую свою работу под названием «Целина». Сценарий, который писал Юрий Черныченко, был очень правдивый и жесткий, без всякого романтизма. Эта история головокружения и пыльных бурь, как ни странно, прошла утверждение в обкоме, в Госкино и вдруг зависла. А потом нам сказали: да вы что (первым секретарем Казахстана в свое время был Брежнев), пока он генсек, вам никогда в жизни не поставит этой картины. И я понял, что заниматься политикой и публицистикой на этом историческом отрезке мне не по душе. Так и сложилась моя кинематографическая судьба, и мне не стыдно за мой послужной список.

— Самыми политически нейтральными, конечно, оказались «Шерлок Холмс» и «Зимняя вишня»? — Да. Времена все мрачнели и мрачнели. Но надо сказать, что я не любитель детективов и сериал этот получился тоже случайно. В свое время Думский и Фрид принесли к нам в творческое объединение телевизионных фильмов, где я был худруком, сценарий картины о Холмсе — о сериале тогда и речи не было, — и никто не хотел за него браться. А во мне, кстати, всегда сидел вкус и интерес ко всему английскому. Еще во время войны, когда в эвакуации мы жили в Челябинске, в доме, где нас

фото ИТАР-ТАСС, из архива И. Масленникова

поселили, единственным чтением было полное собрание сочинений Диккенса. С тех пор я, можно сказать, специалист по Диккенсу, я прочитал его всего. Вот я и подумал, а почему бы не поиграть в англичанство? Не снимать детектив, а именно поиграться. Конечно, главным вопросом был актер на роль Холмса. Многие предлагали Кайдановского. Но я сомневался. С самого начала в этой роли мне представлялся Василий Ливанов. Он снимался у меня в «Ярославне — королеве Франции», и я успел хорошо его изучить. В нем были пороки, мальчишество и позерство, свойственные, как мне казалось, и Холмсу, вкус к тому же англичанству, да и форма черепа у него была подходящая. Гораздо сложнее дело обстояло с Ватсоном. У него же роли-то нет, все истории написаны от его лица и он всегда находится как бы за кадром. Я очень долго его искал, пока не наткнулся на фотографию Виталия Соломина с наклеенными усами. И попало! Чистый эдинбургский англичанин.

С картиной меня долго не запускать. Из-за Ливанова. Василий Борисович был широко известен как шумный, разудалый московский барин, и никто не верил, что он может быть «сухим» Холмсом. А он-то как раз Холмса и «размочил». И когда два фильма показали по Би-Би-Си и их увидела Маргарет Тэтчер, она заявила, что из всех Холмсов русский оказался лучшим... В итоге «Холмс» стал той нишей, в которой я скрывался все самые мрачные застойные времена.

А в перерыве между «Холмсами» я сделал еще одну картину, телевизионную версию «Пиковой дамы», которую считаю своей удачей и которой горжусь. Ее сначала должен был снимать Михаил Козаков, потом Анатолий Васильев начал и потратил почти все деньги, и когда остались какие-то крохи, а я был худруком телеобъединения, возникла необходимость картину все же доделать...

— Снова плановое хозяйство?

— Именно. И я вынужден был как-то выхо-

дить из этого скандала. Я решил ее прочитать. Слово в слово. И считаю, что получилось абсолютно точное прочтение Пушкина. Без всякой мистики и романтических вариаций Чайковского. Чистый реализм. А Козаков в свое время все повторял: я боюсь! там мистика!.. А там все предельно просто. Третий Петербург в те времена состояла из немцев. Аристократ Пушкин их на дух не переносил. У этого Германа в повести даже имени-то нет. Он смотрел, как его товарищи играют, боялся в этом участвовать, наконец услышал — только иди-от мог всерьез воспринять эту историю! — про графиню и решился... И вот он стоит около ее дома, видит девушку и решает подольститься.

А дальше он пишет ей письма, тексты которых списаны из немецких романов! Единственное якобы мистическое место в повести, когда к нему является старая графиня и открывает секрет — на самом деле это сцена, пригрезившаяся пьяному в стельку Германию. Он же немец, ему много пить не положено, — это все у Пушкина есть!

— Красиво получилось. Однако вернемся к Холмсу: когда возникла идея развить эту тему и сделать продолжение?

— После успеха первой, после мешка зрительских писем.

— Но ведь история учит, что продолжение всегда получается слабее начала...

— Этим дело и кончилось. К пятому фильму все было уже выговорено, актеры постарели... Я больше всего люблю вторую картину, с профессором Мориарти. И очень хорошо, что между выпусками «Холмса» были перерывы, это ведь не было единым сериалом. Кстати, первая «Зимняя вишня» возникла внутри «Холмса».

— И по-видимому, сразу была сориентирована на Соломина и на продолжение?

— Нет, все не так! Как я и говорил, все произошло случайно! Сценарий у Владимира Ва-

луцкого был хороший, я его прочитал, облизнулся и только, потому что его должен был ставить Илья Авербах. Но он хотел от этого сценария чего-то другого, он хотел там Полунина снимать. Но потом передумал. Тогда сценарий отдал Микаэляну. И все это тянулось три года. А у меня к тому времени возникла пауза, в которую все и случилось. Играть, кстати, должны были другие актеры.

— Не Соломин?

— Нет. На пробах выбрали Наталью Андрейченко. А на мужскую роль худсовет уже утвердил Сергея Шакурова.

— Но это было бы совсем другое кино!

— Конечно. Но сценарий был хороший, очень пластичный, в нем было много возможностей для режиссуры. И вот я с этим составом запустился. Мы даже уехали в экспедицию. И тут приходит телеграмма от Андрейченко, что она сниматься не может. Что делать? Следующей у меня была по списку Сафонова. Она сразу же откликнулась и приехала. Понимая, вся в проблемах, но приехала. И я вижу, что они с Шакуровым совершенно не сочетаются. У меня с ним был очень тяжелый разговор, после которого он несколько лет на меня обижался. А в Сафоновой что-то было... Виталий Соломин в этой

ситуации появился как «палочка-выручалочка». Четкий, профессиональный, умный, талантливый, съевший со мной пуд соли на «Холмсах»... Вот так все, как бы стихийно, и происходило. А знаете почему? Потому что я не сопротивляюсь. Потому что во мне сидит школа Товстоногова. Не давить, не настаивать, не орать, а чуть-чуть отпускать вожжи, чтобы лошадка сама бежала. Но тем не менее все же рулить потихоньку.

— А вторую «Вишню» вас тоже публика и успех вынудили сделать?

— Нет. Опять все совершенно случайно получилось.

— Вы не лукавите?

— Нет! Валуцкий написал для меня сценарий под названием «Дурашка». Мне история приглянулась, и я собрался ее делать. Начались обсуждения, худсоветы, и вдруг на одном из них режиссер Евгений Татарский говорит: я не понимаю, почему эта история идет отдельно? Это же история персонажей из «Зимней

вишни»! И мы приложили этот еще сыроватый сценарий к той истории, и он стал лучше! Все стало понятно, и характеры были готовы, и актеры...

— Очень странно все... А сериал как? Я уже боюсь и предполагать...

— Тоже история... Не менее странная. Валуцкий на свой страх и риск стал писать кинороман, чтобы предложить мне его как сценарий для третьего фильма. Он даже издал его в виде книги. Сценарий приняли, мы уже начали работать, но тут наступили тяжелые экономические времена, когда инфляция сожрала все деньги.

— Как у Алексея Германа?

— Да. Истратив на подготовку все, что было, мы достали еще денег. Но в это время Сафонова забеременела. Мы опять стали ждать. А когда дождался, стало ясно, что это завершить уже невозможно... И тут возникает Бэлла Куркова, тогдашний руководитель 5 канала и моя бывшая студентка. Когда я работал в университетской газете, она проходила у меня практику. Она помнила: когда я был на телевидении главным редактором литдрамы, ленинградское телевидение лидировало. У нее в то время были деньги, но потом их украл руководитель коммерческой службы и сбежал за границу. А у нас под них была уже целая программа телевизионных постановок, которые конечно же пришлось отменить. Тогда она меня спрашивает: а что бы вы сами хотели сделать? Слово за слово, она и предложила взять две первые серии, доснять остальное на видео и сделать из всего этого сериал. Так что и здесь тоже сработала какая-то метафизическая сила, которая вогнала меня в это русло. И я не жалею. Таким вот образом и замкнулся этот гигантский тридцатилетний цикл, когда я опять стал работать для телевидения.

— Одна моя знакомая дама шестидесятилетнего возраста сильно возмущалась финалом «Зимней вишни». Дескать, что это за мужик, что женщина ему еще и дом купила. Я с ней спорить не стал, потому что мне-то как раз этот романтический

Масленников на съемках фильма «Завтра, третьего апреля», 1970 год

конец понравился... Такой русский хепи-энд... — Абсолютно русский финал. У «Вишни» есть четкая идеология. Антимужская. Я считаю, что все последние годы страна жила за счет наших женщин. Мужчины показали себя не состоятельными во всех сферах жизни. Этот фильм — мужское покаяние. И завершить картину надо было только таким образом: из-за любви женщина всю жизнь вытягивала и спасала этого рыхлого и никчемного мужика... И вообще, женщины существа более цельные, они симпатичнее, добрее, заинтересованнее, чем мы, мужчины...

Виталий КНЯЗЕВ.